

ются. Скоро, очень скоро вы придете в себя, если не будете слишком долго предоставлены себе самому.

Он казался столь же изумленным, сколь взволнованным. „Вы говорите мне только истины и истины очень важные...“³⁵

Интерес к личности наследника в оппозиционных кругах России не случаен. В широком и не имеющем единой программы, но явно переживающем подъем лагере противников правительства Екатерины II в конце 1780-х—начале 1790-х гг. все были согласны в необходимости срочных общественных перемен, хотя в чем состоят эти перемены, понималось разными группировками по-разному. Однако в обстановке подъема и надежд «великой весны девяностых годов» (Герцен) важно было не то, что разделяло, а то, что соединяло разнообразных противников существующего порядка. Показательно, что столь далекий от революционных настроений человек, как С. Р. Воронцов, встретил «Путешествие из Петербурга в Москву» в общем сочувственно, а расправу с писателем — с осуждением. Да и дружбу Радищева и А. Р. Воронцова, конечно, нельзя рассматривать как причуду чисто биографического характера. Оба они были слишком погружены в политику, чтобы отделять личные и общественные симпатии непреодолимой чертой. То же можно сказать и об отношениях Панина и Фонвизина. Каждый из них имел свою программу, но каждый понимал, что политический реализм требовал от них компромиссов.

Настроения политического реализма заставляли обращаться к фигуре наследника. Реформаторская деятельность проникнутого духом прогресса и идеями века государя казалась наиболее реальным выходом из политического тупика, в котором оказалась Россия (история иронически показала, что этот наиболее реалистический расчет оказался предельно ирреальным).

О Павле Петровиче знали мало, а то, что было известно, — внушало надежду. Знали о его доброте и прямоте, ненависти к фаворитизму и расточительности матери. Было известно, что Никита Панин был поклонником твердых законов и противником деспотизма. Это тоже внушало надежды.

Екатерина II опасалась малейшего сближения общественных групп с наследником и жестоко наказала Новикова и его друзей за робкую попытку сблизиться с Павлом через Баженова. Но Сен-Мартен находился в деятельной переписке с Марией Федоровной и был своим человеком при дворе ее матери, те же связи харак-

³⁵ *Strahlmann B. Johann Caspar Lavater und die «Nordischen Herrschaften».* — Oldenburger Jahrbuch, Bd 58, 1959, Teil 1, S. 204—206. Ср.: *Heier Ed. Das Lavaterbild im geistigen Leben Rußlands des 18. Jahrhunderts.* — Kirche im Osten, 1977, Bd 20, S. 113—114. Считаю приятною обязанностью поблагодарить г-жу И. Ингольд-Ракуза, проф. К. Эймермахера и проф. П. Барага за содействие в розысках в архиве Лафатера (Цюрих) и в получении мной изданий, отсутствующих в библиотеках СССР.